

**Юрий
Линник**

г. Петрозаводск

В поисках утраченного времени

Эту книгу о Петрозаводске*, о его рядовых гражданах и власть предержащих написал большой авторский коллектив. В его составе 10 человек. Все они профессионалы-историки. Критерии научной рациональности и объективности выдерживаются ими абсолютно. Тем не менее при чтении этого труда я постоянно испытывал ощущения, иницируемые художнически значимым текстом – получал не только интереснейшую информацию, но ещё и некие эстетические импульсы. В сознании постоянно возникали два шедевра XX века – это «В поисках утраченного времени» М. Пруста и «Сто лет одиночества» Г.Маркеса. Какие инварианты здесь можно найти? Попробую отрефлексировать этот вопрос.

В романах М. Пруста и Г.Маркеса мы видим поток времени – динамичную череду поколений. Формально этот же признак можно найти в любом курсе истории. Различие здесь в том, что у писателей движение истории получает экзистенциальную окраску – время течёт по руслу человеческих судеб. Это не отвлечённое, а вочеловеченное время. Нечто подобное мы обнаруживаем и в рецензируемом труде. Авторы взяли необычный ракурс. Перед нами

вовсе не хроника, что было бы вполне традиционно, а нечто гораздо большее: смелая – и вполне удавшаяся – попытка показать смену событий через людей, антиномически – рго постоянно рокируется с contra – взаимодействующих со своей властью.

Что такое город?

Это тоже своего рода субъект. Или некий сверхорганизм. Или как бы соборная личность. Я бы сказал так: перед нами не только история – в каноническом понимании данного слова – но ещё и жизнеописание, именно биография моего любимого города, понятого как некая развивающаяся целостность. Я открываю первые страницы книги – и державинская река времён уносит меня в даль будущего. Захватывающе увлекательное плавание! Однако вот его замечательная особенность: мне дана возможность целокупно увидеть весь обширный участок пути – пережить три столетия в некоем живом единстве. Это субъективное впечатление? Но за ним стоит несомненная удача учёных: свой труд они написали на одном дыхании – и потому помимо всего прочего ими достигнут ещё и эстетический эффект.

Человека всегда влечёт архэ – начало, исток. История великих городов часто начинается с мифического события. Есть ли свой мифогенез у Петрозаводска? Этот процесс уже наметился. Однако в силу молодости нашего города он пока просматривается весьма неопределённо. Тем не менее праистория Петрозаводска содержит богатейшие предпосылки для подобного мифотворчества. Мотив выбора места играет в нём особую роль. Как правило, это место предзаданное – или провиденциальное: оно как бы предуказано свыше – за ним стоит чудесное целеполагание. И всё же оставим телеологию с её несомненной поэзией. Вот реальность: Петрозаводск действительно занимает выигрышное место в пространстве – и это было понято задолго до его основания.

Первая глава книги «Шуйский погост: предыстория Петрозаводска», написанная А.Ю. Жуковым, представляется мне образцом компетентного и проникновенного анализа. Читатель узнает из неё много нового. Загадочные саами! Очень вероятно, что в современном топониме Сулажгора звучит их эхо – указание на болотистое окружение. Лопари на всём пространстве нашего Севера оставили неизгладимое впечатление. Я бы сравнил его с неуследимо тонкой, однако весьма действенной матрицей, предопределившей многие будущие культурные построения. И прежде всего сеть коммуникаций, столь важных для торгового дела. Её начали созда-

*

История Петрозаводска: власть и горожане. Под ред. А.Ю. Жукова и А.И. Бутвило. КНЦ РАН, Петрозаводск, 2008.

вать саами. Балтика – Нева – Ладога – Свирь – Олонка – Шуя; и дальше: через Уницкую губу – на Шуньгу и Повенец; потом к Выгозерью – и к Суме, выводящей в Белое море: вот великий мост, составленный из рек и волоков – саами заложили его важнейшие участки. Их преемники – вепсы, карелы, русские – веками обслуживали эту трассу: она давала работу и обеспечивала доход. Проводка судов, трудная работа на волоках: всё это и для шуян стало привычным делом.

Нетрудно заметить, что устье Шуи – там ныне находится Соломенное – является в этой цепи важнейшим звеном. Это так называемая фокальная точка: она притягивает к себе – выводит на себя – обустривает вокруг себя человеческую жизнь. Оптимальное расположение! Выбор места задаётся целесообразностью, которая раскрывается лишь после того, как на горизонте появился человек. Будто для него были загодя предусмотрены эти особенности ландшафта. Здесь и возникают поселения. Причём не рядовые, а выполняющие как бы диспетчерскую функцию: это перекрёстки путей – узлы связи.

Соломенное – вовсе не от соломы: русскую огласовку здесь получило вепское *salmi*, что означает пролив. Укшезеро: здесь звучит досаамское *укш* – так назывался волок. Нередко в современных топонимах мы видим сращение русских и финно-угорских элементов. Это своего рода языковой симбиоз? Интереснейшее явление! Невольно задумаешься о том, что в словообразовании – прежде всего на уровне топонимов – отражается этногенез. Соединяются слова – и смешиваются гены: два разнокачественных процесса в чём-то очень существенном изоморфны друг другу. Ялакша становится Ялгубой. Хотя и фонемы, и гены дискретны, но сплав получается такой, что слово кажется однородным. Как и облик северян. Кто разделит слившиеся крови?

А.Ю. Жуков напоминает нам о том, что Петрозаводск возник на территории, входившей в состав Обонежской пятины. Новгородское влияние на этих землях было очень глубоким. Паритет двух группировок города-республики – прусско-плотницкой и неревской – точно воспроизвёлся и в наших местах: вотчинное распределение поражает своей выверенной симметрией. Баланс двух партий – это основа демократии: монополия всегда и везде ведёт к деградации. Известна склонность идеализировать Великий Новгород. И всё же думается, что новгородская закваска имела решающее значение для Русского Севера – она обеспечила его экономический рост; благодаря ей механизмы местного самоуправления долго противостояли коррозии, идущей от централизма с его удушающими вертикалями власти. А.Ю. Жуков напоминает

нам о том, что и после падения Великого Новгорода на Севере продолжала ощущаться его мощная инерция – и Москва в какой-то мере считалась с этим, придерживая работу своих нивелиров. Случалось, что налоговые обложения, собранные на Севере, она направляла в пользу пусть уже поверженного, но оставшегося влиятельным на духовном плане Великого Новгорода. В какой-то степени Пётр Первый продолжил новгородские традиции: повернулся лицом на Запад – одёрнул консервативную Москву – проявил готовность избирательно поощрять дух вольности. И самое главное: он продолжил новгородскую экспансию на Север – причём именно по тому азимуту, каковой первыми утвердили ушкуйники. Петрозаводск родился в результате северных устремлений Петра Первого.

Началась война со Швецией.

Для победы нужны были пушки.

А.Д. Меншиков умел структурировать географическое пространство – зорко высматривал в нём предпосылки для извлечения государственной пользы. Многоярусная Лососинка, как бы играючи вырабатывающая даровую энергию, – прямой выход в Онего, а через него и к Балтике, и к Беломорью – наличие руды: чего желать лучше? Будто Божий перст указывает: здесь быть Петрозаводску. К сему надо добавить – и А.Ю. Жуков акцентирует этот момент – сложившуюся окрест Шуйского погоста хозяйственную инфраструктуру. И ведь весьма зрелую, разработанную! Мы склонны архаизировать былинное Заонежье. Но ещё до основания Петрозаводска там выплавляли и медь, и серебро. Были и железодельные заводы. Не отставали на этом поприще и шуяне. Подумать только: в самом начале XX века они продавали Соловецкому монастырю железо – счёт шёл на десятки пудов. Немалый для того времени масштаб!

Были навыки, имелся опыт.

Петрозаводск возник на добротной и природной, и хозяйственной основе. Военные потребности вызвали его к жизни. Это имело свои и позитивы, и негативы. Не могут пушки стрелять вечно. Сколь ни длительной была Северная война, но ей пришёл конец – победоносный, бравадный. Однако Петровской слободе он не сулил ничего хорошего.

Красной нитью через эту книгу проходит судьба нашего завода – Петровского, Александровского, Онежского. Нить бежит неровно. Много то ослаблений, то перерывов.

Завод – как сердце города. Мы говорим: градообразующее предприятие. Сегодня оно утратило эту роль? И кто-то подхватил его эстафету? Увы, такой преемственности мы не видим – нынче лишь с большой натяжкой Петрозаводск можно назвать истинно

промышленным городом. В центре его – зияющая рана: парализованное детище Петра – малоэффективное, фактически номинальное предприятие, когда-то являвшееся гордостью города – двигателем его процветания. Как в зеркале, в нём отразились экономические перипетии трёх веков – и прежде всего коллизия войны и мира.

В 1734 г. на Петровском заводе погасили последнюю домну. А в 1745 г. задёшево распродали его последние остатки. Но в 1755 г. завод возродился в новой ипостаси – стал вырабатывать медь. Вскоре начались русско-турецкие войны. И завод воспрянул! Теперь это Александровский завод. Петровская слобода становится Петрозаводском. Утверждается герб города. Губернаторствует Г.Р.Державин. Учреждаются три ярмарки. Строится Гостиный двор. Экономика набирает обороты. И что с того, что после турецкой кампании пришлось пережить упадок? Хватило порохи дотянуть до войны 1812 г.! Что же мы видим в ретроспективе? История завода хорошо коррелирует с историей наших войн. Зависимость эта понятна. Но есть в ней что-то если не роковое, то всё же указующее на глубинную непрочность, ненадёжность.

Перепрофилирование завода: эта проблема вставала неоднократно. Исчезла потребность в пушках? Но вот заказ – он похож на целительную инъекцию, вернувшую здоровье угасающему предприятию: потребовалось много чугунных колонн для Царского Села. А потом Александровский завод начал поставлять на рынок литую скульптуру: бюсты Александра I и Николая I соседствовали на прилавках с бюстами Гёте и Шиллера. До процветания тут далеко. Но выжить можно.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. оживила завод. Однако заказ на пушки оказался краткосрочным. Убытки стали нарастать. Продать завод в частные руки? Нашёлся покупатель: граф А.А. Суворов-Рымницкий, правнук легендарного полководца. Но до приватизации тогда не дошло. Осуществив инспекцию хиреющего предприятия, министр государственных имуществ России М.Н. Островский выступил с блестящим планом его модернизации. На словах Александр III поддержал его. Но дело – так уж принято на Руси – застопорилось. Лишь в начале XX века под руководством инженера И.С. Яхонтова завод радикально преобразился. Главным обретением явилась электрификация. Завод круто пошёл в гору. Вся Россия тогда держала мощный наступательный темп. Но политика всё чаще ставила палки в колёса экономики. 9 января 1905 г. – манифест Николая II – выборы Первой Думы и её роспуск: Петрозаводск на эти события реагировал остро. Революционный вихрь затягивал его. Дипломатичнейший

Н.В. Протасьев! Вот бунтующая молодёжь пытается остановить работу Александровского завода – а вот она восторженно аплодирует вразумившему её губернатору. В этой переменчивости настроений была надежда на поворот к лучшему. Но иррациональное взяло верх.

Первая мировая война – здесь повторяется уже известный нам алгоритм – взбадривает Петрозаводск. Россия отрезана и от Чёрного, и от Балтийского морей. Возникает идея: проложить дорогу на Мурман – северным путём пробиться к океаническим просторам. План реализуется молниеносно. Рельсовая двухколейка становится для города воистину золотоносной жилой. Выделенность его в системе природных и искусственных коммуникаций опять броско заявляет себя. Рельсы бегут на Север – страна движется в тупик: близится октябрьский переворот.

1906 г.: петрозаводские эсеры, кадеты, социал-демократы демонстрируют способность к сотрудничеству. 1917 г.: размежевание приобретает характер кровопролитного противостояния. Большевизм не сразу утверждает себя. Демократические идеалы земства владеют сердцами многих петрозаводчан. Но тоталитаризм побеждает. Он переворачивает все ценности. Молодёжь скандирует: «На гибель жителям небес наш комсомольский дух воскрес». В этом инверсионном мире торжествует специфическая наоборотность – она даёт себя знать в жутковатом лозунге: «Пионер, усиль работу в семье!» Апофеозом подобного усиления станет Павлик Морозов.

Жизнь поразительно пластична и адаптивна! Она продолжается. В истории советского Петрозаводска мы находим немало положительного. Гарант успеха – всё тот же завод; теперь он стал Онежским. В условиях бесконкурентной социалистической экономики его новая продукция – трелёвочные тракторы – находит беспрепятственный сбыт. Удачная перепрофилировка! Но она имеет смысл лишь в рамках планового хозяйства. С крушением социализма завод вступил в полосу затяжного кризиса. Теперь его положение плачевно. И это дурной знак. Удастся ли что-то сделать? Или наш топоним – Петрозаводск – навсегда утратит свой исконный смысл?

Как и Петербург, Петрозаводск был окном в Европу – здесь работали выдающиеся европейские специалисты. Ксенофобией Петровская слобода не страдала. Конечно, определённые основания для того, чтобы остерегаться Запада, вблизи границы с ним были всегда. Рядом шла многовековая борьба за Корелу – Кексгольм – Приозерск. Шведы не раз брали перевес. После одной из своих побед в 1581 г. они внедрились глубоко в Карелию,

действуя по сути в карательном стиле: жители многих деревень – в том числе и шуйских – были вырезаны. Во время Смуты реки крови в здешних местах пролились «литовские люди». В этот негативный ряд можно поставить и финскую оккупацию Петрозаводска. Впечатляет фотография: памятник В.И. Ленину демонтирован, а на постаменте стоит иноземная пушка. Всё это правда истории. Однако в сегодняшних условиях антизападнические настроения кажутся атавизмом. Мы снова забываем окно в Европу. Этим предаётся дело Петра.

Петрозаводск знал прекраснейшие периоды широкого мышления и истинной толерантности. Как много претерпели на Руси старообрядцы! Но начальник Олонецких Петровских заводов В.И.Геннин покровительствовал им. И не только потому, что ревнители древнего благочестия являлись главной рабочей силой на вверенных ему предприятиях – была в нём природная склонность к диалогу, предполагающая готовность уважительно выслушать оппонента. Хотя в 1722 г. В.И. Геннин был отозван в Сибирь, но думается, что именно он подготовил почву для того, чтобы в 1723 г. в Петровской слободе состоялось историческое по своей значимости словопрение между выговцами и ортодоксами. Согласия не удалось достигнуть. Но иеромонах Неофит, ведший дискуссию, вполне миролюбиво констатировал: «будите же ваше с вами, а наше с нами». Отличная формула! Её демократический дух несомненен.

В 1786 г. директором Александровского и Кончезерского заводов стал шотландец К. Гаскойн. Вестернизация пошла на пользу производству: качество пушек достигло высочайшего уровня. Вредительство со стороны иностранного специалиста исключалось. Правда, К. Гаскойна по доносу обвинили в масонстве. Однако на защиту начальника стали ближайшие подчинённые. Пришлось на ложу смотреть сквозь пальцы. Это тоже знак если не совсем здоровой, то всё же относительно веротерпимой обстановки, характерной для Петрозаводска.

Интереснейшие люди вписаны в историю Петрозаводска. Перед нами проходят кадр за кадром: вот Г.Р. Державин вдохновляется созерцанием Кивача – вот П.Н. Рыбников записывает в Кижях живые былины – вот Н.А.Клюев толкает на Кургане революционную речь. Заинтриговала меня фигура инженера В.Н. Лядинского. Он был ещё и поэтом. Хотелось бы увидеть и услышать, как со сцены «Триумфа» этот технарш читает бунтарские стихи. На дворе 1917 г. В январе В.Н. Лядинского останавливают представители власти – зато в марте он выложил до конца, вызвав бурные овации. Откуда Лядинский родом? Не из Лядин ли, что на Пудожском тракте? Сохрани-

лись ли читанные тогда строки? Застаю наших историков в поисках утраченного времени. Результат вызывает двойственные чувства: всё тщетно и бессмысленно? Или бесчисленные утраты и жертвы были не напрасными?

Власть и горожане: такой подзаголовок имеет эта книга. Власть хвалят редко. Её принято ругать. Что ни говори, а в ней есть некая предрасположенность к разложению – против этого нет средства. Но ведь были у нас достойные правители! Город рос, креп. Как не вспомнить благороднейшего П.В.Сепсякова? И всё-таки люди этого типа во власти – скорее редкостное исключение, чем правило. Увы, власть на Руси часто иррациональна – примеры тому даёт и эта книга. Приведём некоторые из них:

– После основания Петрозаводска здесь утверждается троевластие: свою линию гнут генерал-губернатор – просто губернатор – влиятельнейший директор завода. Часто возникает ситуация лебеда, рака и щуки.

– В 1796 г. Павел I отменяет решение своей матери о создании Олонецкой губернии. Много у него было привлекательного, но тут мы имеем дело с явным самодурством и своенравием.

– Замечательные реформы проводит Александр II, однако почему мастеровым, сбросившим иго крепостничества, запрещено использовать паровые двигатели? Нелепое ограничение!

Развитие на Руси идёт сквозь эту начальственную дурь. И вопреки ей. Так было – и так есть. Думается, что преодолению этой родовой болезни будет способствовать возвращение к традициям Новгорода: там было построено открытое общество – наработан опыт самоуправления – уважены права личности. Это не утопия. И никакое не ретро. Великий Новгород – и вслед за ним Пётр Первый – верно нащупали ключевые архетипы цивилизации, проявили и закрепили их в своей зиждательной практике.

Как граждане реагируют на власть? По-разному. Петрозаводчане вскипели, когда распустили I Думу – но с поразительной пассивностью встретили разгон Учредительного собрания. Редкие яркие вспышки – и длительное тление: быть может, это наш российский ритм. Не повторился ли цикл недавно? Вспомним бурный 1991-й – и тупой, косный 2004-й. А может, и нет никакой периодичности, а есть – непредсказуемость: на неё и хочется уповать, чая лучшего.

Я живу в достойном городе. Книга наших историков укрепила меня в этом ощущении.